

Владимир Мисихин

«Романтизация и идеализация пустоты»

Рецензия на книгу Леонида Бляхера, Константина Григоричева, Андрея Ковалевского «Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования» (2024).

Владимир Русланович Мисихин, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС, Москва, Россия.

ORCID: 0009-0000-3653-2349

Электронная почта: misikhin-vr@ranepa.ru

Для цитирования: Мисихин, В. Р. «Романтизация и идеализация пустоты»: Рецензия на книгу Леонида Бляхера, Константина Григоричева, Андрея Ковалевского «Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования» (2024) // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 2. С. 143–148.

Коллективная монография «Жизнь в пустоте», вышедшая в 2024 году, представляет собой безусловно интересную и смелую попытку осмыслить один из социально-географических процессов современной России — феномен «сжатия» пространства и возникновения на периферии зон, выпадающих из поля зрения и прямого контроля государства. Основанная на материале пяти экспедиций по верхней Лене с 2018 по 2023 год, книга предлагает читателю погрузиться в мир «межселенных территорий», «пустот» и «фронтиров», где формально «ничего нет», но где, по утверждению авторов, кипит своя, альтернативная социальная жизнь. Ценность эмпирической работы исследователей не вызывает сомнений, пройдя на лодках около 1400 км, взяв десятки интервью и зафиксировав множество неформальных практик,

143

авторы собрали уникальный материал о реальности удаленных сибирских территорий, который сам по себе является значительным вкладом в региональную антропологию. Однако амбициозный теоретический замысел книги — не просто описать, но и концептуализировать «пустоту» как особый тип социального пространства — наталкивается на ряд методологических, терминологических и содержательных противоречий, которые существенно снижают убедительность выводов и оставляют ощущение незавершенности научного проекта.

Первая и главная проблема кроется в сердцевине работы — в ключевом понятии «пустота». Авторы используют этот термин чрезвычайно подвижно, с одной стороны, «пустота» предстает как строгий административно-статистический конструкт: «Статистика, а с ней и государство “не видят” эти территории... Там, где их нет... и возникает “пустота”» (с. 9). Это территории, лишённые низового управленческого звена, а потому не генерирующие данных для официальных отчетов. С другой стороны, «пустота» трактуется в духе Анри Лefевра и Александра Филиппова как социальное пространство, утратившее привычные смысловые текстуры: «Разрушение системы артефактов... разрушает социальное пространство, превращая его... в пространство пустое» (с. 18). Наконец, в нарративе книги «пустота» часто становится мощной метафорой свободы, возможностей и нового освоения, для людей, оставшихся в «пустоте», напротив, пространство расширилось, стало свободнее, обильнее. Такая смысловая амплитуда — от бюрократического ярлыка до философской категории и романтического идеала — позволяет авторам гибко жонглировать примерами, но затрудняет построение внятной теоретической модели. Читатель в итоге с трудом понимает, является ли «пустота» объективной характеристикой пространства, субъективной перцепцией государства или же аналитической оптикой, насильственно накладываемой исследователями на сложную реальность. Это терминологическое расслоение пронизывает всю книгу и подрывает ее концептуальный стержень.

Вытекающая из этого логическая коллизия — противоречие между декларируемым «отсутствием» государства и его постоянным, хотя и специфическим, присутствием. Авторы

настаивают, что «власть на постоянной основе там отсутствует» (с. 37), но тут же, на соседних страницах, описывают механизмы ее опосредованного влияния, периодические рейды силовиков («Ездит тут полковница из Усть-Кута... Ездит с автоматами и всех штрафует. Хорошо, что ездит нечасто» (с. 74), дистанционное администрирование, сохранение территории в кадастрах. Возникает вопрос: можно ли говорить о «пустоте власти», если эта власть сохраняет монополию на легитимное насилие, определяет правила доступа к ресурсам (пусть и не всегда может их обеспечить) и выступает конечным арбитром в конфликтах? Описываемая реальность скорее напоминает не классическую «безгосударственную зону», а режим селективного, эпизодического управления, где государство не исчезает, а меняет форму своего присутствия на дистанционную и реактивную. Аналогичное противоречие возникает между тезисом о «пустоте» и богатейшим эмпирическим материалом, демонстрирующим «наполненность» пространства жизнью, практиками, экономическими цепями. Авторы фиксируют и «усадыбы» со спутниковыми антеннами и импортными моторами, и сложные неформальные сети обмена, и деятельность «таежных баронов». Описанное пространство не «пустое» — оно иное, организованное по иным, часто неформальным, правилам. Настойчивое использование термина «пустота» для описания этой кипучей деятельности начинает восприниматься как своего рода концептуальный прием, затемняющий, а не проясняющий суть явления.

Методология полевого исследования, при всех ее несомненных достоинствах, также вызывает вопросы. Авторы с искренней прямотой признают: «Понятно, что при таком, скажем откровенно, поверхностном наблюдении многие факты и обстоятельства могли быть упущены» (с. 55). Эта «поверхностность», обусловленная логистикой сплавов (остановки по часу на поселок), неизбежно накладывает отпечаток на анализ. Картина получается мозаичной, фрагментарной, построенной на ярких, но точечных кейсах — «усадыбах», «баронах», случайных встречах. Не хватает системности, глубины включенного наблюдения, длительного погружения в одно сообщество. Состав информантов также кажется одно-

боким, это в основном мужчины среднего и старшего возраста. Голоса женщин, молодежи, коренных народов, чье присутствие в регионе исторически значимо, практически не слышны. Это создает гендерный и возрастной перекося в картине «пустоты», которая рискует оказаться миром одиноких мужчин-старожилов, охотников и рыболовов. Авторы почти не рефлексируют свою собственную позицию «городских ученых» на лодках, чей визит в удаленные поселения сам по себе является событием и неизбежно влияет на поведение и рассказы местных жителей.

Композиционно книга производит впечатление сборника очерков, слабо связанных единой нарративной нитью. Ключевые тезисы о «сжатии», «невидимости», «фронтире» кочуют из главы в главу, обрастая новыми, но часто схожими примерами. Исторические экскурсы, призванные показать генезис «пустоты», порой носят характер общих мест и слабо интегрированы в основной анализ. Чувствуется, что текст родился из серии статей и экспедиционных отчетов, которые не были до конца синтезированы в целостную монографию. Это приводит к повторам и ощущению, что авторы, имея в запасе ограниченный набор блестящих кейсов (как история с «зарыблением» для легализации усадьбы), вынуждены постоянно к ним возвращаться, слегка меняя ракурс.

В теоретическом плане книга демонстрирует еще одну особенность — романтизацию и идеализацию «пустоты». Авторы, справедливо критикуя официальный дискурс, рисуящий эти территории как «постапокалипсис» и «пространство катастрофы» (с. 22), впадают в противоположную крайность. Их «пустота» предстает пространством подлинной свободы, предпринимательской инициативы и социального творчества: «Без начальства, своими мозгами жить сподручнее» (с. 122). При этом темные стороны жизни на периферии остаются в тени. Алкоголизм упоминается лишь вскользь («Только у Сереги нет. Так он алкаш, ему и звонить некуда» (с. 122), социальная депрессия, проблемы здравоохранения, гендерное неравенство (в одном поселке на 34 жителя — только 7 женщин (с. 120) не становятся предметом специального анализа. Экологические последствия неформальных практик — браконьерство, незаконные рубки — описываются скорее как

ловкая адаптация («Ну мы же не без понятия... Вот если ты дерево свежее несешь в поселок, то, ясное дело, только что срубил. А если срубил, оно же уже лежит. Правильно? То есть оно — валежник» (с. 124), а не как серьезная угроза хрупким экосистемам Сибири. Конфликты, насилие, влияние криминальных структур («бандиты из Усть-Кута» (с. 60) освещены фрагментарно. В результате возникает приукрашенный образ «благородной пустоты», где люди мудро и свободно обустривают свою жизнь, что не вполне соответствует сложной и, вероятно, гораздо более противоречивой реальности.

Остается не востребовавшей авторами и богатейшая мировая литература по антропологии периферии, исследованиям неформальных экономик и зон ограниченного государственного суверенитета (от Амазонии до Гиндукуша) не проводится и систематического сравнения с другими российскими «пустотами» — например, в Заполярье или на Дальнем Востоке. Это сужает теоретический горизонт работы и заставляет авторов изобретать велосипед там, где можно было бы опереться на солидный корпус сравнительных исследований.

Несмотря на отмеченные недостатки, «Жизнь в пустоте» — это значимая и нужная книга. Ее главная сила — в мощном эмпирическом фундаменте. Описания «таежных баронов», создающих собственные локальные империи с транспортом, фермами и социальной ответственностью; механики «невидимости» через создание «природоохранных» объектов, сложная палитра акторов от «местных» и «бывших местных» до «олигархов» и «гостей» — все это бесценный материал для любого социолога, политолога или географа, интересующегося современной Россией. Книга остро ставит вопросы о природе российской государственности на периферии, о соотношении формальных институтов и неформальных практик, о ресурсах и ограничениях человеческой агенсу в условиях «сжатия» пространства.

«Жизнь в пустоте» лучше всего воспринимать не как законченное теоретическое исследование, а как яркий, живой и чрезвычайно информативный экспедиционный отчет, который бросает вызов устоявшимся академическим представлениям и открывает новые проблемные поля. Ее ценность — в поставленных вопросах и собранных данных, а не в данных

на них ответах. Она является не финальным словом, а скорее интригующим началом большого разговора о том, как живет и выживает Россия за пределами больших городов и официальных статистических сводок. И в этом качестве книга, несмотря на все свои концептуальные изъяны, заслуживает самого пристального внимания и серьезной научной дискуссии.